

Д.М. ДЕ МАРЦИО
(Пенсильвания, США)

ДАР УЧИТЕЛЯ ПРИНОСИТЬ СЕБЯ В ЖЕРТВУ КАК ИСКУССТВО СВОЕГО ВНУТРЕННЕГО Я*

Специфика педагогической деятельности рассмотрена через тему жертвенности в труде учителя, понимания им собственной роли в жизни ученика. Определено понятие «забота о себе» как связанное с отношением учителя к собственному труду.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, педагогическая профессия, труд учителя, самопожертвование учителя, забота о себе.

Введение

Одно из великих открытий, сделанных Мишелем Фуко в его поздней работе, где он обращается к этике, заключается в том, что в греческой философии понятие «забота о себе» становится приоритетным, обретает большую значимость, нежели дельфийский принцип «познай себя». Таким образом, он дает толкование древней философии как «эстетики бытия» и способа саморазвития вместо того представления о философии, которое сложилось у нас, главным образом, через ее современное воплощение – теоретическое систематизирование¹. У Фуко личность Сократа играет важную роль в развитии Фуко такой интерпретации философии. Прежде всего посредством толкования платоновых «Апологии Сократа» и «Алкивиада I» Фуко представляет Сократа как мастера «заботы о себе», образцового учителя, который призывает сограждан обратить взоры на самих себя.

В известном отрывке из «Апологии» Сократ следующим образом объясняет свою дея-

тельность как учителя^{**}: «Так я буду поступать со всяким, кого только встречу, с молодым и старым, с чужеземцами и с вами – с вами особенно, жители Афин, потому что вы мне ближе по крови. Могу вас уверить, что так велит бог, и я думаю, что во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу. Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, и молодого и старого, заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше»².

Фуко, интерпретируя этот отрывок, выделяет три составляющих, которые Сократ включает в понимание своей роли проповедника философской жизни, т.е. жизни, посвященной заботе о себе³. Во-первых, у Сократа вся его деятельность в качестве учителя – это его отклик на божественный призыв. «Деятельность, которая состоит в том, чтобы побуждать других заниматься самими собой, это его, Сократа, дело, – пишет Фуко, – но дело, доверенное ему богами. Занимаясь им, Сократ лишь выполняет волю богов, делает то, что ему положено, встает на место, назначенное ему богами»⁴. Во-вторых, Сократ объясняет свою особую деятельность как учителя тем, что это исполнение его гражданского долга, ответ на болезнь или кризис внутри полиса, болезнь, которая угрожает благополучию Афин. Именно излечение от нее Сократ имеет в виду, когда говорит, что «во всем городе нет у вас большего блага, чем это мое служение богу». Поэтому Сократ считает все свои занятия с учениками формой служения обществу. Третий аспект заключается в том, что, согласно Сократу, учить – это дар, и он не требует вознаграждения. Фуко подчеркивает: «... если Сократ заботится о других, он явно не заботится о себе, или, во всяком случае, пренебрегает из-за этого рядом других занятий, которые считаются важными, полезными, выгодными. Сократ пренебрег деньгами, рядом гражданских преимуществ, отказался от политической карьеры, не домогался должностей и власти ради того, чтобы иметь возможность заботиться о других»⁵.

Здесь, в третьем аспекте деятельности Сократа-учителя, Фуко обнаруживает пробле-

* Впервые опубликовано: De Marzio D.M. The Teacher's Gift of Sacrifice as the Art of the Self // Philosophy of Education Yearbook. Ed. by Deborah Kerdeman, University of Washington. Seattle, 2009. – P.166–173; полнотекстовая версия статьи доступна по адресу: <http://ojs.ed.uiuc.edu/index.php/pes/issue/view/24>. Пер. с англ. Е.А. Гулягиной, науч. ред. В.К. Пичугиной. Перевод и подготовка текста к печати осуществлены при поддержке грантов РФФИ 15-06-14022 и 14-06-00315. Приносим огромную благодарность автору, редакционному совету ежегодника по философии образования и издательству за дружеское и бескорыстное разрешение опубликовать перевод данной работы.

** Здесь и далее цитаты античных и современных авторов даны в уже опубликованных русских переводах. Сноски на английские переводы редакция сочла нужным оставить в примечаниях, чтобы читатель мог при необходимости сопоставить русскую версию с использованной автором.

му, которая возникает, когда мы рассматриваем соотношение между философской жизнью – жизнью, посвященной практике заботы о себе, – и жизнью учителя, которая должна быть посвященной служению заботе о других. Фуко приходит к следующему: «Итак, вставал вопрос, как соотносятся между собой “забота о себе”, к которой побуждает философ, и то, чем должно быть это занятие, иногда жертвенное, для философа – стало быть, вопрос о позиции учителя в “занятии собой”»⁶.

Вопрос, который мне хотелось бы поставить в данном эссе, заключается в следующем: имеется ли отличие, и если да, то какого рода, между Сократом – учителем философской жизни и Сократом-философом, где философ есть тот, кто сам практикует заботу о себе. Перефразируем вопрос: практикует ли Сократ на самом деле заботу о себе посредством своей деятельности как учителя, или практика учителя требует отречься от практики заботы о себе? И последнее: как могло бы развитие Мишелю Фуко проблемы заботы о себе в античной философии оживить наше собственное понимание деятельности учителя?

Проблема жертвенности в труде учителя

Перед тем как попытаться ответить на этот вопрос, я бы хотел ненадолго вернуться к отрывку из «Апологии» Платона для того, чтобы расширить проблему жертвенности в деятельности учителя. Я бы предположил, что портрет Сократа в данном отрывке представляет собой один из наиболее наполненных содержанием и нетленных образов того, каким должен быть учитель в своих нравственных устремлениях. Этот портрет и в наше время находит отклик у многих из тех, кто учит или собирается учить. В подавляющем большинстве случаев деятельность учителя воспринимается как моральное стремление, ответ на призыв (божественный, гражданский, или тот и другой вместе) служить благополучию людей. Мы можем сказать теперь, что такое основание своей деятельности как учителя, которое в «Апологии» нам дает Сократ, является и сегодня нравственным наследием современных учителей.

Помимо того, что мы рассмотрели понятие морали в деятельности учителя, видится важным также обратить внимание и на потенциальные проблемы, которые возникают из толкования Фуко вышеперечисленных оснований Сократа. Первая: если учитель характеризуется как тот, кто заботится о других, тогда кто заботится об учителе? Заметим, что боги не призывают Сократа служить собственной душе, они повелевают заботиться только о других.

Здесь возникает целый ряд вопросов. Почему и как вышло так, что Сократ должен был занять это уникальное место – между божественными силами и полисом? Боги заботятся об Афинах через Сократа – другими словами, только через заботу, которой он окружает сограждан, мы видим, что боги не оставляют афинян.

Но заботятся ли боги и о Сократе таким же образом и в той же мере, в какой они заботятся о городе? Почему так получается, что высшие силы не приказывают и жителям, в свою очередь, служить процветанию Сократа? Приведем интересный факт: после того как Сократу объявляют обвинительный приговор, он говорит, что заслуживает награды, а не наказания, за его служение городу. Награда, которую он предлагает для себя, состоит в том, что город должен поддержать его учительский труд, что, конечно, присяжные сразу отвергают⁷.

Конечно, деятельность Сократа как учителя состоит не просто в служении благополучию душ людей. Нет, не только в этом; его учение, форма его служения в том, чтобы и других убедить «сделать первым и главным предметом своего попечения не свое тело или имущество, а высшее благополучие своей души». Поэтому, чтобы внести ясность, поставим второй вопрос: если учитель есть тот, кто заботится о заботах других, то тогда должен ли он приносить в жертву собственные заботы для того, чтобы учить?

В «Апологии» Сократ говорит, что он обязан проводить «все свое время» сподвигая других к заботе о себе. Какой вывод из этого можно сделать? Если Сократ действительно проводит «все свое время», служа чужим заботам, тогда он явно не заботится о себе⁸. Но даже если, говоря, что он отдает «все свое время», Сократ преувеличивает, в «Апологии» все-таки довольно ясно видно, что для того чтобы исполнить свою божественную и гражданскую миссию, он должен отказаться от целого ряда занятий и вознаграждений, которые считаются полезными и вполне естественными для обычного гражданина. На самом деле именно особый тип жертвенности, который провозглашает Сократ, по его собственным словам, дает очевидное свидетельство того, что его учительский труд есть действительно божественный дар. Сократ Платона ни от кого никогда не принимает плату за свою служение. Он забросил семью, позволил домашним терпеть унижение. Кроме того, он объявляет, что даже не получал никакого удовольствия от полной занятости чужими проблемами, «на-

гружая себя беспрерывно от вашего имени»⁹. Главное доказательство, что его деятельность есть божественный дар Афинам, говорит Сократ, заключается в его бедности: «... я могу представить верного свидетеля того, что я говорю правду, и, я полагаю, довольно убедительного – мою бедность»¹⁰. Бедность – признак, который выявляет истинность его бытия. Бедность была вечным его спутником, во всех ее внешних проявлениях.

И вот, если взглянуть в жертву Сократа, которую он берет на себя для того, чтобы исполнить свою миссию, то она будет очень схожа с той практикой заботы о себе, которую его согражданам необходимо сделать своей главной заботой. Другими словами, таким же образом, которым Сократ пытается убедить других заботиться о себе, т.е. направить свое попечение не на бренное тело или имущество, а на свою душу, он проводит и свою деятельность как учителя. Отказ Сократа от удовольствий, от политической карьеры, достатка, от свободного времени и от разного рода других гражданских привилегий есть цена, которую он должен заплатить, чтобы иметь возможность учить других. Именно тут у нас появляется возможность увидеть, как жизнь учителя и жизнь философа могут согласовываться. Для Фуко один из определяющих моментов в античной философии – в той мере, в какой она отражает события и определенную форму мысли, – это аспект «духовности», посредством которой личность практикует аскетизм своего внутреннего «я» для того, чтобы приготовить себя для истины. Фуко видит духовность как «поиски, практики, опыт; это могут быть практики очищения, аскезы, отречение, обращение, изменение образа жизни и т.п., и из них-то и складывается та цена (причем речь идет уже не о познании, но о самом существовании субъекта), которую он должен заплатить, чтобы получить доступ к истине»¹¹.

Если эти виды добровольного самоограничения есть цена, которую Сократ должен заплатить для того, чтобы учить, могут ли они также быть и ценой, которую он должен заплатить, чтобы осуществлять собственную практику заботы о себе, т.е. практику философа? Тогда перед нами закономерно встает третий вопрос, который проблематизирует деятельность Сократа как учителя. Есть ли в деятельности учителя возможность (или невозможность) противоречия: когда учитель жертвует заботой о самом себе ради заботы о других – это ли в точности то, как должен учитель служить высшему благу собственной души?

Проблема заслуживает детального рассмотрения, т.к. она видится весьма важной для более полного и ясного понимания этики деятельности учителя. Если мы будем считать данную этику областью, которая стремится к пониманию того, что делает процесс обучения других значимым и содержательным для учителя, а не только для обучаемых¹² (последнее я рассматриваю как мораль самой деятельности учителя), тогда проблема, которую Сократ нам представляет, – это соотношение между жертвованием и благополучием. Другими словами, как получается, что процесс обучения других, который, как мы видим, так сильно тяготеет к самопожертвованию, может быть вообще способом заботы о себе?

Критика Ницше

Главный критик подобного понимания этики, основанной на модели самопожертвования, – это Ф. Ницше. В третьем эссе его работы «К генеалогии морали» рассматривается история возникновения этики самопожертвования и самоотречения, этики, отмеченной в веках тремя высокопарными лозунгами аскетического идеала – бедность, смирение и целомудрие¹³. Ницше намеренно не называет их добродетелями, потому что, по его мнению, не может быть ничего добродетельного в отказе от здоровых хищнических импульсов. Вместо того, чтобы страдать от унижения и боли от неудовлетворенных и непризнанных порывов, мы, люди, а именно слабейшие из нас, «заведомо увечные, поверженные, надломленные», установили аскетический идеал, который провозглашает наивысшим порядком человеческой жизни тот, что отрицает жизнь («К генеалогии морали», 122).

На протяжении всего третьего эссе «Генеалогии» Ницше рисует разнообразие настоящих проявлений аскетических идеалов, от музыки Рихарда Вагнера до эстетики Иммануила Канта, от Иисуса Христа до Николая Коперника. По Ницше, все они увековечили такую модель аскетического идеала, где спасение есть отсутствие страдания, но его невозможно найти здесь, в этой жизни, лишь только после смерти. В итоге, что же есть аскетизм – в мистическом ли виде (например, в раннем христианском монашестве) или философском обличье (как у стоиков Римской империи), или же в капиталистическом виде (Макс Вебер демонстрирует его в протестантской трудовой этике) – как не практика жизни в отвержении собственного «я» и обращение к спасению как отсутствию страдания? Ницше описывает те формы аскетизма, которые прослав-

ляют «благословение труда» и «деятельность как механизм» в качестве единой и навсегда застывшего образа жизни, заполнения времени, некоторого рода разрешения, даже тренировки «безличия» («*Unpersönlichkeit*»), самозабвения, «*incuria sui*» («К генеалогии морали», 134). Латинская фраза буквально означает «отсутствие заботы о себе». В итоге субъект, который отворачивается от самого себя, своего «я», не печется о своих порывах и желаниях, которые и есть его «жизнь» – это и есть, по Ницше, нравственный субъект, «отчеканенный» аскетическим идеалом.

Но откуда же тогда получать удовольствия? Как нам излечивать себя от депрессии, которая следует за подобным отречением от себя? Вот что по этому поводу пишет Ницше: «Наиболее частой формой такого рода врачебного предписания радости является радость *причинения* радости (через благодеяния, одаривания, подспорье, помощь, увещевания, утешение, похвалу, поощрение); предписывая “любовь к ближнему”, аскетический священник предписывает этим в сущности возбуждающее средство сильнейшему, жизнеутверждающему инстинкту, хотя и в крайне осторожной дозировке, – инстинкту *воли к власти*. Счастье “ничтожнейшего превосходства”, доставляемое всяческим благодеянием, умением быть полезным, нужным, предупредительным, служит неисчерпаемым средством утешения, которым по обыкновению пользуются физиологически заторможенные существа, допустив, что они хорошо проинструктированы на сей счет: в обратном случае они наносят вред друг другу, не переставая, разумеется, подчиняться тому же коренному инстинкту»¹⁴.

Теперь в свете вышесказанного давайте вернемся к Сократу в «Апологии» и пониманию образа учителя, которое мы там обнаружили. Сократ, как вы помните, творил добро. Он установил свой порядок жизни раз и навсегда, отдавая все свое время согражданам – он помогал, ободрял, утешал, хвалил, поощрял их. Он делал это не из-за славы или признания или награды – он делал это не для себя. Даже наоборот, он забыл себя – в конце концов, взгляните, насколько беден он был! – только лишь для того, чтобы иметь возможность служить той заботе, которую люди сами должны иметь – заботе о себе. Да, он жалок. Но в то же время у него есть утешение – он утешен счастьем легкого превосходства оттого, что принес пользу этому городу. Возможно даже, что

определение «легкое превосходство» будет некоторым преуменьшением: вспомните, как Сократ описывает себя и свою службу – как величайшее благо, которое когда-либо выпало на долю города. Для Ницше эта форма счастья есть очевидный результат самоотречения Сократа – это есть утешение за физиологическое угнетение. Здесь читатели «Пира» Платона вспомнят речь Алкивиада, которая является свидетельством целомудрия Сократа, где упоминается о его стойком неприятии любовных ухаживаний Алкивиада. Согласно Платону, подчинение нашим коренным инстинктам уводит нас от Блага. Это также уводит нас и от самих себя. Вот почему учение Сократа состоит в убеждении других заботиться о себе, обращая взор на свои души, а не на свое имущество и свое бренное тело.

Платон определенно находится «под прицелом» у Ницше на протяжении всего третьего эссе «Генеалогии». Проблема, согласно Ницше, в том, что Платон, как всякий великий муж науки, построил философию (а следовательно, и этику), которая стоит на научных основаниях – «истина не поддается оценке и не может подвергаться сомнению» (153). Истина в облике вечных форм, доступная нам посредством нашего памятования о бессмертной душе, является воздаянием за все блага и самопожертвование философии. Комедия этой комедии, по Ницше, в том, что истина Платона неземная, «вышняя». Трагедия этой трагедии, согласно Ницше, в том, что Сократ, как аскетичный священник в вышеупомянутом тексте, просил своих учеников – молодых, красивых, сильных афинян – отвернуться от своей молодости, красоты, от своей силы. Он убеждал их обратить свое самое большое попечение на свои души: перенаправить свою любовную энергию и обратить ее к познанию Истины. И, таким образом, Ницше спрашивает свое поколение: зачем правда? Правда – друг аскетического идеала. То же, что нужно нам, по всей видимости, Ницше считает, является ее антагонизмом. Где настоящие враги аскетического идеала?

Согласно Ницше, Платон уже явственно ощущал мощного врага аскетического идеала, что отразил в своем труде «Государство» (Книга III). Этим врагом, конечно, является искусство: «Платон против Гомера: вот и весь доподлинный антагонизм – там пылкий доброволец “потустороннего”, великий клеветник жизни, тут невольный ее обожатель, золотая природа. Оттого наемничество ху-

дожника на службе у аскетического идеала есть верх художнической коррупции, к сожалению, одной из наиболее распространенных: ибо нет ничего более охочего до коррупции, чем художник»¹⁵.

Заключение

Таким образом, мы подошли к противоречию, к столкновению между Платоном и Гомером, философией и наукой, между теми, кто утверждает аскетический идеал как волю к истине, и искусством, «невольным обожателем», создателем красивого и безупречного. Есть ли вероятность того, что мы привели к искажению образа Сократа-учителя, поставив его на службу аскетическим идеалам? Что бы мы приобрели, если бы вместо этого считали Сократа (т.е. Сократа-учителя) художником? Если Сократ не является самым искренним защитником высшего – величайшим клеветником жизни, а вместо этого становится «невольным обожателем», как бы мы могли понять учителя и таким образом понять отношение между принесением в жертву и благополучием? В размышлениях о Сократе как о художнике, нам нужно быть осторожными, не ставить его искусство на службу аскетическому идеалу. Это говорит о том, что, если мы считаем его тем, кто создает прекрасное, мы не можем думать о нем как лишь о том, кто других (т.е. его учеников) превращает в прекрасные «объекты», мы должны думать о нем также как о том, кто и себя превращает в прекрасный «объект».

И вот здесь как раз выступает этика Фуко, т.е. его развитие древней философии как «эстетики бытия». Согласно Фуко, сосредоточенность античных философов на этике вращается вокруг заботы о формировании себя, вокруг образа, в котором человек должен проживать свою жизнь, и того, какой тип нравственного поведения ведет к благу. Определенные вопросы, относящиеся к некоторым событиям в человеческой жизни, которые служат индикатором нравственности, такие как поведение человека на поле боя, или то, как он относится к друзьям, обеспечили древнегреческую этику фактологическим материалом (что Фуко, в свою очередь, называет «этической субстанцией»), из чего складывалась жизнь личности. Ответ на такие вопросы – тот ответ, который определяет, что есть «правильно», а что «неправильно», – никогда не был для античных мыслителей самоцелью, не был конечной точкой. Вместо этого вопрос нравственного поведения, по мнению Фуко, всегда вплетался

в ткань всего, полного бытия того или иного субъекта¹⁶.

Фуко замечает, что традиция этики античных философов довольно сильно отличается от философии морали, взятой на вооружение их нынешними воспреемниками. Фуко видит в современной философии морали формалистский подход к нравственному поведению – тот, что не принимает во внимание контекстуальные факторы человеческих ценностей и интересов и заменяет эти факторы универсальными ценностями и абстрактными принципами. Потому, детально разбирая античную этику, Фуко не ставит целью предложить альтернативу, по которой нужно жить. Он непреклонно повторяет, что «вы не можете найти решение проблемы в решении другой проблемы, которая возникла в другой момент у других людей»¹⁷. Вместо этого он надеется, что, анализируя греко-римскую этику, мы можем приблизиться к пониманию того, как практика человеческой свободы может быть соединена с личной эстетикой бытия, предлагает альтернативу бытию, зависимому от политических и экономических структур, которые всегда определяют, какой жизнью должен жить тот или иной субъект. «Что поражает меня, – говорит Фуко, – так это тот факт, что в нашем обществе искусство стало чем-то, имеющим отношение только к объектам, предметам – не к личностям и не к жизни. Это искусство есть нечто, что могут творить только люди узкого круга, люди специально обученные, то есть художники. Но разве не может жизнь любого человека стать искусством?»¹⁸. Фуко в этом случае имеет в виду не то, что мы должны пытаться проживать нашу жизнь так, как это когда-то делали греки или римляне, потому что они практиковали философию как эстетику бытия. Он говорит: то, что доступно нам сегодня – так это начать практиковать эстетику бытия снова, но нашим собственным путем и исходя из своих собственных мотивов. Разграничивая античную этику и современную мораль, Фуко своими витиеватыми путями ведет нас к выводу о возможности такого рода практик сегодня.

Как же мы можем те виды самопожертвования, которые Сократ добровольно возлагает на себя для того, чтобы учить людей – к примеру, его бедность – рассматривать как способы, посредством которых сам человек, его внутреннее «я» становится объектом искусства? Путем превращения Сократа в художника я ищу новые способы интерпретирования

значения «заботы о себе». Когда каждый глубоко и содержательно заботится о себе, он обращается к себе как к объекту, но не как отделенному объекту знания, а как к интимному и ближайшему объекту искусства. Таким образом, само «я» не является тем, что необходимо познавать: проверить, истолковать, исследовать – для установления истины о себе. Наоборот, само «я» – это как раз то, чему нужно придать форму, культивировать, над чем надо работать, экспериментировать, писать и переписывать. В таком случае мы могли бы понять бедность Сократа как путь, идя по которому он превращает себя и свою жизнь в эстетический объект. В «Пире» есть аллюзия к этой идее, в речи Алкивиада, где подвыпивший и отвергнутый любовник сравнивает убогого мудреца Сократа со статуей силена. Алкивиад говорит: «Посмотрите на него! Не похож ли он на тех силенов, какие бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силена, то внутри у него оказываются изваяния богов»¹⁹.

Это сравнение являет собой замечательную иллюстрацию того, как деятельность Сократа учителя увенчивается жертвой. Вспомним латинские корни английского слова «жертвоприношение»: “sacrifice” = sacer+facere, *sacer* – святой, священный, *facere* – делать. Самопожертвование Сократа, таким образом – это его работа по сакрализации личности. Socrates – своего рода «интуитивный, инстинктивный обожествитель» (instinctive deifier).

Примечания

¹ Foucault M. The Care of the Self, vol. 3 of The History of Sexuality, trans. Robert Hurley. N.Y., 1986. P. 43–68; Idem. Technologies of the Self // Ethics: Subjectivity and Truth, ed. Paul Rabinow. N.Y., 1997; Idem. The Ethics of the Concern of the Self as a Practice of Freedom // Ethics: Subjectivity and Truth...

² Plato. Apology 30a; tr. H.Tredennick. Middlesex, 1954. Здесь и далее ссылки на «Апологию Сократа» Платона приведены в переводе М.С. Соловьева: Платон. Апология Сократа // Собрание сочинений. М., 2000. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/greek/platon/platon01.htm>].

³ Foucault M. The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982, tr. G.Burchell. N.Y., 2005. P. 5–10. Здесь и далее ссылки приведены в переводе А.Г. Погоняйло: Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб., 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/353594-germenevtika-subekta.html>.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Plato. Apology, 36b–e.

⁸ Несмотря на то, что я не ставил целью данной статьи углубляться в рассмотрение данного аспекта, необходимо здесь отметить, что эта проблематика (хотя она и не затрагивает деятельность Сократа-учителя) широко изложена Ж. Дерридой, в частности, в его анализе понятия «дар» в западной этике. См.: Derrida J. Given Time: I. Counterfeit Money, tr. P. Kamuf. Chicago, 1992; Idem. The Gift of Death, tr. D.Wills. Chicago, 1995.

⁹ Plato. Apology, 31a–c.

¹⁰ Там же.

¹¹ Foucault M. The Hermeneutics of the Subject... P. 15.

¹² Я бесконечно обязан Крису Хиггинсу за это разделение. См.: Higgins C. Teaching and the Good Life: A Critique of the Ascetic Ideal in Education // Educational Theory. 2003. Vol. 53, no. 2.

¹³ Nietzsche F. On the Genealogy of Morals, tr. W. Kaufmann. N.Y., 1969. P. 108. В статье ссылки на Ф. Ницше («К генеалогии морали») приведены в переводе К.А. Свасьяна: Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/>.

¹⁴ Nietzsche F. On the Genealogy of Morals. Tr.W. Kaufmann. N.Y., 1969. P. 135 (курсив в оригинале).

¹⁵ Ibid. P. 154.

¹⁶ См.: Foucault M. On the Genealogy of Ethics: An Overview of Work in Progress // The Foucault Reader, ed. P.Rabinow. N.Y., 1984. Рус. пер.: О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. 2(65). Многое из того, что Фуко говорит о древней философии, переключается с проблематикой следующих работ: Williams B. Ethics and the Limits of Philosophy. Cambridge, Mass., 1985; Hadot P. Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault, tr. M.Chase. Oxford, 1995 (рус. пер.: 2010); Nehemas A. The Art of Living: Socratic Reflections from Plato to Foucault. Berkeley, 1998.

¹⁷ Foucault M. On the Genealogy of Ethics... P. 343 (рус. пер. С. 137).

¹⁸ Ibid. P. 350 (рус. пер. С. 142).

¹⁹ Plato. Symposium, 215b, tr. A. Nehemas and P. Woodruff. Indianapolis, Ind., 1989; Plato. Apology, 31a–c.

* * *

² Plato. Apology 30a; tr. H.Tredennick. Middlesex, 1954. Zdes' i dalee ssylki na «Apologiju Sokrata» Platona privedeny v perevode M.S. Solov'eva: Platon. Apologija Sokrata // Sbranie sochinenij. M., 2000. T. 1 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/greek/platon/platon01.htm>].

³ Foucault M. The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the Collège de France, 1981–1982, tr. G. Burchell. N.Y., 2005. R. 5–10. Zdes' i dalee ssylki privedeny v perevode A.G. Pogonjajlo: Fuko M. Germenevtika sub#ekta. SPb., 2007 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://e-libra.ru/read/353594-germenevtika-subekta.html>.

⁴ Tam zhe.

⁵ Tam zhe.

⁶ Tam zhe.

⁷ Plato. Apology, 36b–e.

⁸ Nesmotnja na to, chto ja ne stavil cel'ju dannoj stat'i uglubljat'sja v rassmotrenie dannogo aspekta, neobhodimo zdes' otmetit', chto jeta problematika (ho-tja ona i ne zatragivaet dejatel'nost' Sokrata-uchitelja) shiroko izlozhena Zh. Derridoj, v chastnosti, v ego analize ponjatija «dar» v zapadnoj jetike. Sm.: Derrida J. Given Time: I. Counterfeit Money, tr. P. Kamuf. Chicago, 1992; Idem. The Gift of Death, tr. D. Wills. Chicago, 1995.

¹⁰ Tam zhe.

¹² Ja beskonechno objazan Krisu Higginsu za jeto razdelenie. Sm.: Higgins C. Teaching and the Good Life: A Critique of the Ascetic Ideal in Education // Educational Theory. 2003. Vol. 53, no. 2.

¹³ Nietzsche F. On the Genealogy of Morals, tr. W. Kaufmann. N.Y., 1969. R. 108. V stat'e ssylki na «K genealogii morali» F. Nicshe privedeny v perevode K.A. Svas'jana: Nicshe F. K genealogii morali // Soch.: v 2 t. M., 1990. T. 2 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/>.

¹⁶ Sm.: Foucault M. On the Genealogy of Ethics: An Overview of Work in Progress // The Foucault Reader, ed. P. Rabinow. N.Y., 1984. Rus. per.: O genealogii jetiki: obzor tekushhej raboty // Logos. 2008. 2(65). Mnogoe iz togo, chto Fuko govorit o drevnej filosofii, pereklikaetsja s problematikoju sledujushhih rabot: Williams B. Ethics and the Limits of Philosophy. Cambridge, Mass., 1985; Hadot P. Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault, tr. M. Chase. Oxford, 1995 (rus. per.: 2010); Nehamas A. The Art of Living: Socratic Reflections from Plato to Foucault. Berkeley, 1998.

The teacher's gift of sacrifice as the art of the self

The peculiarity of teacher's work is considered in the light of sacrifice theme in teacher's work, comprehension of his or her role in a pupil's life. There is defined the notion "care for self" as regarded to teacher's own work.

Key words: *pedagogic work, pedagogic profession, teacher's work, teacher's sacrifice, care for self.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

Г. ФОНТЕЙН
(Флорида, США)

ДАР УЧИТЕЛЯ ПРИНОСИТЬ СЕБЯ В ЖЕРТВУ: КАК МЫ МОЖЕМ ПОДЕЛИТЬСЯ ИМ?*

Статья представляет собой реплику на публикуемую в этом же номере статью Д.М. Де Марцио. Специфика деятельности учителя связана с педагогическим идеалом, утвержденным еще Сократом. Переосмысление идеала заботы о своих учениках возможно в разных направлениях.

Ключевые слова: *педагогическая деятельность, педагогическая профессия, дар учителя, миссия учителя, забота о себе.*

Введение

В статье «Дар учителя приносить себя в жертву как искусство своего внутреннего «я»» Дэррил Де Марцио задается интересным вопросом: как жизнь и труды Сократа, рассмотренные сквозь призму философии Мишеля Фуко, могли бы оживить и наполнить новым смыслом практику сегодняшних учителей? Этими вопросами занимаются философы педагогики, которые стремятся связать теорию с практикой, и Де Марцио как раз и есть один из них, и я польщен выпавшей возможностью написать отклик на его статью.

Согласно Де Марцио, Фуко считает Сократа лучшим идеологом «заботы о себе». В первом пассаже, в котором он цитирует «Апологию» Платона, Сократ заявляет о своей приверженности аскетическому идеалу (в нищезанской терминологии). Этот идеал предполагает дуализм души и тела и представляет нам образование как процесс подготовки души покинуть тело и достижения непосредственного и полного воссоединения с Благом. Согласно

* Впервые опубликовано: Fountain H. A Teacher's Gift of Sacrifice: How Can We Give It? // Philosophy of Education Yearbook. Ed. by Deborah Kerdeman, University of Washington. Seattle, 2009. P. 174–176; полнотекстовая версия статьи доступна по адресу: <http://ojs.ed.uiuc.edu/index.php/pes/issue/view/24>. Пер. с англ. Е.А. Гулягиной, науч. ред. В.К. Пичугиной. Перевод и подготовка текста к печати осуществлены при поддержке грантов РГНФ 15-06-14022 и 14-06-00315. Приносим огромную благодарность автору, редакционному совету ежегодника по философии образования и издательству за дружеское и бескорыстное разрешение опубликовать перевод данной работы.

© Фонтейн Г., 2015
© Гулягина Е.А., перевод на русский язык, 2015